

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Африканская
страсть

Детектив-любитель Надежда Лебедева

Наталья Александрова
Африканская страсть

«Автор»

2003

Александрова Н. Н.

Африканская страсть / Н. Н. Александрова — «Автор»,
2003 — (Детектив-любитель Надежда Лебедева)

Хорошо живет на свете только Винни-Пух! А вот Надежду Лебедеву придавила гора проблем. Шефство над чужой собакой, похождения мужа... Да тут еще пришлось приютить совершенно постороннюю девицу из далекого городишки, чьи дела Надежду ну ни капельки не интересуют... Есть от чего взвыть! Впрочем, стоило только Наде просечь, что с незваной гостьей связана некая тайна, как она тут же активно занялась ее делами. И тогда события завертелись с бешеной скоростью...

© Александрова Н. Н., 2003

© Автор, 2003

Наталья Александрова

Африканская страсть

Дежурная по этажу, румяная круглолицая бабенка лет тридцати пяти, еще раз постучала в дверь сорок шестого номера. Оглянувшись на сотрудников милиции, она вполголоса проговорила:

– Я могу открыть своим ключом.

Худой высокий мужчина с красными от недосыпа глазами покачал головой и попросил:

– Ну, еще разок попробуйте.

И в это время дверь номера распахнулась.

На пороге стояла молодая женщина, можно сказать – девушка, с растрепанными темными волосами. Кутаясь в бордовый махровый халат и отчаянно зевая, она удивленно уставилась на незваных гостей:

– Что случилось?

– Березкина Елена Борисовна – ваша знакомая? – спросил невыспавшийся мужчина, осторожно отодвигая дежурную и одновременно протягивая раскрытую книжечку служебного удостоверения.

– Что случилось? – повторила девушка, резко побледнев. Ее темные глаза расширились, в них вспыхнула паника.

– В окно выбросилась подруга ваша, – проговорила дежурная из-за плеча милиционера, – насмерть...

– Вы это зачем? – страшным голосом оборвал ее мужчина. – Что за...

Он замолчал, увидев, как девушка в халате беззвучно сползает вдоль притолоки, и кинулся подхватить ее.

Темные глаза закатились, тело безвольно обвисло на руках милиционера.

– Что вы натворили? – прошипел он дежурной, осторожно запахивая разошедшиеся полы бордового халата и переноса бесчувственное тело на кровать. – Есть у вас что-нибудь... ну, нашатырь, что ли...

– Не хотела я... – забормотала дежурная, оправдываясь, – кто ее знал, что она такая нервная...

В дверях номера появилась женщина средних лет в белом халате. Наклонившись над больной, она приподняла веко, оглянулась и решительно заявила:

– Ну-ка, все быстро вышли отсюда!

– У нас есть к ней несколько вопросов, – проговорил милиционер.

– Подождете! – прикрикнула суровая фельдшерица. – С ней все в порядке, но нужен абсолютный покой! Через два-три часа можете поговорить, только никаких стрессов!

Она поднесла к лицу девушки ватный тампон, смоченный остро пахнущей жидкостью. Девушка вздрогнула, дернулась, открыла глаза.

– Я сказала – все вон! – прошипела фельдшерица, обернувшись, и номер в мгновение ока опустел.

– Ты лежи, лежи! – Женщина ласково обтерла бледный, покрытый испариной лоб девушки, поднялась и пошла к двери. – Я к тебе через час еще зайду, проведаю.

Как только дверь номера за ней закрылась, девушка отбросила одеяло, села на кровати. Голова немного кружилась, но это не страшно, это пройдет.

Она встала, подошла к окну.

Поросшие соснами сопки тянулись до горизонта, а ближе к зданию, под самыми окнами, бежала узкая быстрая речка в крутых каменистых берегах. Там, на камнях, лежало что-то тем-

ное, бесформенное, и вокруг этого страшного предмета суеились люди, казавшиеся сверху такими маленькими...

Перед глазами снова поплыли цветные пятна, но девушка взяла себя в руки. Она не может сейчас снова упасть в обморок. Не может позволить себе такую роскошь. У нее слишком мало времени. Что сказала эта женщина в белом халате? Что она придет через час...

Девушка бросилась к постели, собрала свою одежду, торопливо натянула джинсы, футболку, тонкий свитер. Огляделась, увидела темную дорожную сумку, вытряхнула на кровать ее содержимое.

Пара кофточек, пакет с бельем, косметичка... вот он! Билет на поезд Зауральск – Санкт-Петербург... вот паспорт... денег немного, но ей должно хватить... это выход, это единственный выход! Поезд останавливается на станции Золотая речка всего на две минуты...

Девушка подхватила сумку, выглянула в коридор.

Там было пусто, только раздавался громкий радостный голос из радиоприемника, рекомендовавший новую зубную пасту.

Она выскользнула в коридор, закрыла за собой дверь, бросилась к лестнице. Но в это время снизу донеслись быстрые шаги нескольких человек, вполголоса переговаривающихся между собой.

Девушка кинулась назад, заметалась в растерянности, подбежала к лифту, но тут же испуганно попятилась. Она побежала по коридору, растерянно оглядываясь по сторонам.

Голоса поднимающихся по лестнице людей становились все громче, все слышнее. Еще немного, и они увидят ее...

Коридор заканчивался хлипкой застекленной дверью. Стекло, густо замазанное белой краской, не позволяло разглядеть, что за этой дверью, но это, безусловно, не был один из номеров. Девушка нажала на ручку, толкнула дверь... и та послушно распахнулась. За ней была прилепившаяся снаружи к стене дома металлическая площадка и убегаящая вниз пожарная лестница.

Времени на раздумья не было. Плотно закрыв дверь, девушка бросилась вниз. Железные ступени пожарной лестницы предательски гремели под ногами.

Спустившись на несколько пролетов, она посмотрела вниз и увидела выбегающего из-за угла дома широкоплечего темноволосого мужчину. Испуганно ахнув, она дернула дверь, мимо которой в это время проходила, и оказалась в огромной кухне пансионата, точнее, как ее называли здесь по советской еще традиции, – в пищеблоке.

Повар в высоком крахмальном колпаке пробовал что-то из огромной кастрюли. Увидев в своих владениях постороннюю, он рявкнул пиратским басом:

– Куда?

Девушка пробежала мимо него, снова выскочила в коридор – на этот раз, если она не обсчиталась, второго этажа. До лестницы было всего несколько метров, но там стояли спиной к ней двое мужчин.

Беглянка рванула дверь, оказавшуюся рядом с ней, юркнула в темный душный чулан и бесшумно закрыла дверь за собой. Кладовка была чуть больше телефонной будки, в ней хранили ведра, швабры и прочий нехитрый уборочный инвентарь.

Сжавшись в уголке, она старалась не дышать. Сердце стучало, как барабан, казалось, что его слышно сквозь тонкую дверь...

Глаза постепенно привыкли к темноте, и внезапно девушка увидела, что она не одна в этом чулане. В другом углу скорчилась еще одна женская фигура.

– Эй, ты кто? – прошептала девушка, когда прошло несколько минут и ее соседка не издала ни звука.

Не дождавшись ответа, она придвинулась к той, взглядела в нее... и зажала себе рот, чтобы не закричать от страха.

Это была та самая дежурная по этажу, которая меньше часа назад пришла к ней в номер с милицией, чтобы сообщить ужасную новость. Только сейчас ее круглое румяное лицо стало белым, как мел, а широко открытые глаза смотрели прямо перед собой без всякого выражения.

Дежурная была мертва.

Кто-то убил ее и затолкал в эту кладовку, чтобы труп не обнаружили раньше времени.

Девушка с трудом преодолела накотившее головокружение, несколько раз глубоко вздохнула, стараясь не глядеть на женский труп, и решительно распахнула дверь. Будь что будет, но больше находиться в одном чулане с покойницей она не может!

К счастью, на этот раз путь был свободен.

Она пробежала отделявшие ее от лестницы последние метры, скатилась по ступеням, вылетела в холл пансионата.

Возле стойки женщина с маленьким ребенком разговаривала с портье. Ребенок громко хныкал, что-то требуя, и оба взрослых – мать и служащий пансионата – пытались перекрычать его и разобраться в каком-то своем вопросе. Поэтому они не заметили пробежавшую мимо них растрепанную, перепуганную девушку.

Выбежав на улицу, она огляделась по сторонам, нырнула за густые кусты и короткими перебежками устремилась прочь от здания.

Только вчера она гуляла здесь с подругой и хорошо запомнила широкую, усыпанную хвоей тропинку, которая вела напрямик к станции, и путь оказывался гораздо короче, чем по шоссе.

Пригибаясь и то и дело оглядываясь, она припустила вперед.

До поезда оставалось больше часа, а дорога до станции – всего километра полтора, но ей хотелось скорее удалиться от пансионата, где она чувствовала себя затравленным зверем.

Тропинка привела ее прямо к платформе. Невысокое унылое кирпичное здание, в котором помещались кассы и вечно пустующий буфет, стояло чуть поодаль.

По платформе прохаживался тщедушный дедок в кирзовых сапогах, ватнике и кепке с надписью на английском языке: «Я люблю Нью-Йорк».

Девушка перевела дыхание, еще раз оглянулась и решила на всякий случай пока не подниматься на платформу, где она оказалась бы слишком на виду.

Только когда из-за поворота выплыл зеленый пассажирский поезд, сбросил скорость и остановился, она взбежала по ступенькам платформы и подошла к открытой двери вагона.

Проводница, унылая тетка средних лет с усталым недовольным лицом, препиралась с дедом, который просил подвезти его до ближайшей станции. Девушка протянула ей билет. Проводница по привычке начала ворчать, что билет от Зауральска и там и надо было садиться, а то она, проводница, вполне могла пустить на ее место другого пассажира... Потом потребовала паспорт, лениво пролистав его и пустила-таки беглянку в купе. Девушка поздоровалась с соседями, попросила у проводницы чаю и забилась в уголок, глядя в окно на медленно уплывающие вдаль заросшие соснами сопки.

– Нет, нет и нет! – выкрикнула Надежда и отошла от мужа к окну, сердито блестя глазами. – Я категорически возражаю!

– Но, Надя, послушай...

– И слушать больше ничего не хочу! – Надежда отвернулась, схватила с подоконника невесть как оказавшуюся там шариковую ручку и принялась неистово вертеть ее в руках.

Это ее не успокоило, тогда Надежда прижалась лбом к стеклу и с тоской взглянула, как текут по стеклу крупные капли дождя.

Ее положение было ужасно. То есть не то чтобы ужасно, но совершенно нетерпимо. Начать с того, что в июне НИИ, где много лет работала Надежда Николаевна Лебедева, выражаясь по-простому, приказал долго жить. То есть этот НИИ и раньше-то не больно преуспе-

вал из-за директора, который, будучи в пенсионном возрасте, не желал вводить никаких новшеств и искать перспективные заказы. Все уже как-то привыкли к такому положению вещей и роптали не слишком сильно. Но в июне старого директора наконец-то удалось «уйти на пенсию». Бурного ликования коллектива НИИ хватило на три дня, потому что новый директор начал свою трудовую деятельность с того, что мигом уволил из института всех сотрудников женского пола старше сорока пяти лет, а таких как раз и было в НИИ больше всего, учитывая его общее незавидное положение и маленькие оклады. Жаловаться было некуда и некому, поскольку формально института больше не существовало, он реорганизовывался и распадался на несколько более мелких фирм.

Непосредственный начальник Надежды Николаевны позвал ее к себе в кабинет и в приватной беседе страшно извинялся. Он говорил, конечно, что сотрудник сотруднику рознь, и что сам лично он Надеждой очень доволен, и для инженера с ее опытом и квалификацией работа всегда найдется. И он, начальник, обязательно ей эту работу предоставит, только потом, когда все утрясется. Так что следует немного подождать, а к осени, или на самый крайний случай к зиме, все будет в порядке, только не нужно пока никому об этом рассказывать, чтобы не вызывать нездоровых разговоров.

Выслушав все это, Надежда оскорбилась и подала заявление об уходе, как и все остальные.

Самое ужасное заключалось в том, что муж Надежды, Сан Саныч, вместо того чтобы утешить ее в трудную минуту, обрадовался произошедшему до чрезвычайности.

Муж у Надежды был второй, они прожили вместе восемь лет, так что ясно было, что брак этот крепкий и ни о ком другом Надежда и не мечтала. Но все же, когда муж, выслушав ее гневный монолог по поводу отвратительного поведения нового директора, заявил, что все просто замечательно, что он давно этого хотел, Надежда обиделась.

Этой весной в жизни Надежды Николаевны случилось очень неприятное событие – ей исполнилось пятьдесят лет. И хотя событие это было весьма предсказуемо, то есть всем ведь ясно, что после сорока девяти рано или поздно, но все же последует пятьдесят, Надежда очень переживала. Разумеется, она никому об этом не говорила, кроме близкой подруги, Алки Тимофеевой, которая вполне понимала Надежду, поскольку самой ей исполнилось пятьдесят летом.

Муж заявил, что Надежде давно пора отдохнуть и заняться своим здоровьем. Надежда обиделась еще больше – она не старуха, чтобы просиживать дни в районной поликлинике, ругаясь с бабками в очереди! Муж кротко возразил, что он совсем не это имел в виду – он достаточно зарабатывает, чтобы его жена могла посещать косметолога и массажиста, и совершенно ни к чему приплетать тут районную поликлинику. Муж Надежды и правда, несмотря на весьма зрелый возраст – ему было пятьдесят пять, – год назад устроился работать в солидную компьютерную фирму и зарабатывал теперь достаточно, чтобы бросить свои многочисленные халтуры.

Где-то в глубине души Надежда признавала, что муж прав, но от этой мысли она окончательно озверела. Был скандал, потом Надежда вздыхала и дулась, после чего усовестилась и решила заняться своими семейными обязанностями. В самом деле: у нее есть муж, за которым следует ухаживать, и кот Бейсик, замечательной рыжей масти с белой манишкой и лапами, который тоже требует внимания. Еще у Надежды есть мать-пенсионерка, которую никак нельзя назвать старушкой, хотя ей уже за семьдесят. Мать сильна духом и весьма бодра телом (тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!), но все же годы берут свое, так что Надежда вполне может подольше пожить с ней на даче, чтобы делать там всю тяжелую работу в саду и огороде. И наконец, летом приедут в отпуск дочка Алена с мужем и Светланкой, Надеждиной внучкой. Дочь Надежды замужем за военным моряком и живет в далеком городе Северодвинске, так что видятся они нечасто. А теперь, когда у Надежды свободно лето, можно оставить Светланку на более долгий срок и всем вместе пожить на даче.

Словом, Надежда почти примирилась с переменами в своей жизни, но злодейка-судьба внесла свои коррективы.

Начать с того, что лето в этом году выдалось отвратительным. Целыми неделями шел дождь, жители города Санкт-Петербурга размокли, как губки, на дачных участках урожай сгнил на корню, и единственное, что там выросло, – это трава по пояс. Мать Надежды сидела на даче исключительно из принципа, такой уж у нее был характер, а дочь с семьей, погостив три дня, мигом собрались и улетели в Сочи, погреться у теплого моря.

Надежда переделала все хозяйственные дела, стоявшие на повестке дня, и даже те, которые на повестке дня не стояли, посетила парикмахера, где очень удачно выкрасила волосы, и даже записалась к косметологу, чего раньше никогда не делала. Она готовила мужу вкусные обеды и, не спеша бродя по магазинам, сумела подобрать приличные занавески и кое-какие хозяйственные мелочи. Муж был доволен, кот тоже – он не любил долго оставаться один в квартире. Мало-помалу и сама Надежда Николаевна стала находить нечто приятное в таком времяпрепровождении – никуда не торопиться, все делать без суеты... Но судьба-злодейка и тут не успокоилась и продолжала портить Надежде жизнь.

Когда они поженились, Надежда давно была в разводе с первым мужем, а у Сан Саныча жена умерла. Но у него был взрослый женатый сын и внук Вовка. Они жили в большой трехкомнатной квартире, которую Сан Саныч оставил им, когда женился вторично и переехал к Надежде в ее однокомнатную. Сан Саныч внука очень любил и проводил с ним много времени. Надежда с его невесткой тоже поддерживала хорошие отношения – делить им было нечего.

И вот, совершенно неожиданно, на Надежду свалилась новая напасть. Выяснилось вдруг, что сын с женой срочно уезжают работать на год в Канаду – появилась такая возможность. Они, видите ли, знали об этом давно, но не говорили до последнего момента, чтобы все не сорвалось. Внука двенадцати лет они брали с собой, он там будет учиться в местной школе. И теперь речь шла о том, чтобы Сан Саныч с Надеждой поселились в их квартире, чтобы приглядывать за ней и поливать цветы. Из-за этого-то сейчас и был у Надежды с мужем спор, переходивший уже в ссору.

Надежда ощутила, что лоб у нее стал холодный, и отошла от окна:

– Почему, ну почему я должна бросить свою собственную квартиру и жить у чужих людей, как будто я приживалка или бомжиха? – страстно заговорила она.

– Что значит – у чужих людей? – возмутился муж. – Ты не забыла, что квартира эта изначально была моей? И я до сих пор, между прочим, там прописан. Это я здесь у тебя – приживал! А теперь я хочу привести свою жену к себе в дом!

Надежда угрюмо молчала. Мужчине бесполезно объяснять такие вещи, он все равно не поймет. Во-первых, одно дело – это ходить к невестке, хотя бы и неродной, в гости по праздникам, а совсем другое – жить с ней вместе в одной квартире.

– Не жить вместе! – вставил муж, словно прочитав ее мысли. – Они уезжают через три дня, так что при всем желании пожить с ней вместе ты не успеешь.

Надежда слегка удивилась такой проницательности, но продолжала думать дальше. Во-вторых, эта трехкомнатная квартира – та самая, где ее муж много лет жил со своей первой женой, он будет вспоминать о ней чаще, чем Надежде бы хотелось, и она, Надежда, в этих воспоминаниях будет только лишней.

– Ну, знаешь! – ответил на это муж, снова прочитав ее мысли. – Ну уж это ни в какие ворота!

Он ушел в комнату и даже так сильно хлопнул дверью, что с сушилки слетела крышка и кот Бейсик, сидевший на своем излюбленном месте – на холодильнике, – встрепнулся и поглядел на Надежду с большим неодобрением. Надежда только пожалала плечами.

Однако сидеть одной в кухне было неинтересно, поэтому Надежда приоткрыла дверь и прислушалась. В их маленькой квартирке всегда было слышно, что делается во всех помеще-

ниях, и, будучи в комнате, можно было разговаривать с супругом, находящимся в кухне, не повышая голоса.

Итак, Надежда наострила уши и поняла, что муж разговаривает с кем-то по телефону. Она не слышала звонка, значит, он звонил сам. Интересно, кому? Неужели он сообщает невестке, что Надежда наотрез отказывается жить в ее квартире? Как-то нехорошо все вышло...

Надежда явилась в комнату, когда муж уже повесил трубку. Он поглядел на нее очень серьезно и сказал:

– Надя, ты должна пересмотреть свою позицию. Иначе у всех возникнет масса сложностей.

«А в противном случае всем будет хорошо, но зато сложности возникнут у меня!» – сердито подумала Надежда и уставилась на мужа в ожидании его ответа.

Но Сан Саныч на этот раз сделал вид, что не слышал ее мыслей.

– Но почему, почему мы должны бросить все и переезжать к ним? Разве тебе здесь плохо? Почему нельзя приходить туда два раза в неделю и присматривать за цветами? – страстно завопила Надежда.

– Потому что они оставляют собаку, – строго сказал Сан Саныч и сел на диван, прикрыв рукой лоб в позе роденовского мыслителя.

– Собаку? – как эхо, переспросила Надежда. – Какую еще собаку?

Тут же в голове у нее что-то забрезжило. Не так давно муж говорил что-то о том, что у его сына в квартире появилась собака – молодой сенбернар. Собака якобы потерялась, то есть совершенно точно потерялась, потому что внук привел ее с улицы.

– Неужели они до сих пор не нашли хозяев собаки? – вскричала Надежда.

– Нашли, но там кто-то умер, и те люди не хотят брать пса назад, – ответил Сан Саныч, не глядя на Надежду. – Вовка очень просил оставить собаку ему...

– Но ведь они же уезжают... – Надежда в растерянности села рядом с мужем на диван.

– В этом-то все и дело, – вздохнул Сан Саныч, – я сейчас говорил с сыном, Вовка в истерике. Он привязал себя и Арчи цепочкой к батарее и кричит, что не поедет ни в какую Канаду, что вообще не двинется с места, если не возьмут Арчи. Но они не могут взять сенбернара, они понятия не имеют, где они будут там жить! И потом, у него нет документов, и нет времени все оформить...

– Слушай, но это же форменное идиотство! – Надежда вскочила с дивана и в раздражении забегала по комнате. – Люди собираются уезжать на долгое время за границу, а сами заводят собаку! Ты извини, конечно, но я была лучшего мнения о здравом смысле твоего сына...

– Они и не собирались никого заводить! – рассердился Сан Саныч. – Вовка поставил их перед фактом. И они думали, что найдутся хозяева. Разве можно было выгнать собаку на улицу? Этак от них собственный ребенок отвернулся бы... Тебе ли об этом не знать...

Надежда сразу же поняла, на что муж намекает. В свое время ее дочка Алена вот так же принесла в дом тощего заморенного котенка. Котенок был маленький, меньше месяца от роду, блохастый и жалобно мяукал. Надежда сначала была категорически против, но не решилась отказать дочери, к тому же у кого поднимется рука зимой выгнать котенка на мороз? С того времени прошло десять лет, и котенок превратился в огромного рыжего котяру, нахала и обжору.

– Да, вот кстати, – Надежда внезапно успокоилась и поглядела на мужа с некоторым злорадством во взоре, – если мы будем жить все вместе, то, как ты думаешь, одобрит Бейсик наличие в доме собаки?

– Боюсь, что не одобрит, – горестно ответил муж, – просто не представляю, что делать!

Надежда злорадствовала не впустую. Всем ее многочисленным знакомым было хорошо известно, как трепетно Сан Саныч относится к коту Бейсику. Он его обожал едва ли не больше,

чем жену, то есть Надежда в глубине души была уверена, что и женился-то он на ней ради кота. Но мужу об этом она если и говорила, то редко, боясь услышать подтверждение, что так оно и есть на самом деле.

– Надя, так ты согласна пожить у них и позаботиться о собаке? – робко спросил муж.

– Ну, разумеется, если ребенок так расстраивается, я собаку не брошу, – решительно ответила Надежда, – пускай едут спокойно, а мы заберем собаку сюда.

– Ты соображаешь, что говоришь? – неприятно рассердился муж. – Ты представляешь себе размеры сенбернара? Да он просто не войдет в нашу кухню!

Надежда поняла, что ее взяли измором и шантажом и не оставили выбора. Она терпеть не могла, когда на нее давят, и не собиралась такое спускать никому. Даже собственному мужу.

– Это все? – холодно спросила она. – Больше ты ничего от меня не требуешь? Когда прикажешь быть готовой?

– Через три дня, к двадцатому... – ответил муж таким странным тоном, что Надежда поняла: это еще не все. Самое главное ее ждет впереди. – Понимаешь, – Сан Саныч заговорил неуверенно, он отводил глаза и теребил покрывало на диване, что раньше было для него совершенно нехарактерно, – понимаешь, Наденька, тут еще случилась одна вещь...

– Какая же? – проскрипела Надежда, от нехорошего предчувствия у нее сел голос: муж называл ее Наденькой крайне редко, лишь когда очень волновался.

– Вчера мне позвонила Лиза Самохвалова... – муж остановился.

Надежда понятия не имела, кто такая Лиза Самохвалова, но решила пока не вступать с вопросами.

– Она сказала, что получила письмо от Ани Белолобовой, то есть не от Ани, а от ее дочери. Ей очень нужно приехать в наш город, недели на две. В гостинице, может, и есть места, но цены там непомерные, ты же знаешь...

– Знаю, – деревянным голосом подтвердила Надежда.

– Лиза не может ее принять, потому что у нее и так-то тесно, да еще дочка недавно родила, а с маленьким, сама понимаешь... А у нас как раз квартира свободна... ну, раз мы переезжаем к сыну...

– Та-ак, – медленно протянула Надежда, – та-ак...

Самое время было заорать. Девяносто пять процентов женщин так бы и сделали и высказали бы мужу все, что они думают о нем самом, о его сомнительных знакомствах и о том, что они не желают предоставлять собственную квартиру незнакомым девкам! К чести для Надежды, она относилась к остальным пяти процентам, то есть к тем женщинам, которые перед тем, как заорать и устроить скандал, прикидывают наскоро – а что из этого выйдет?

В характере Надежды Николаевны было много недостатков. И она сама прекрасно об этом знала. Но также признавала за собой по крайней мере два достоинства: неистребимое любопытство и умение в любой ситуации поглядеть на себя со стороны. Правда, муж считал Надеждино любопытство не достоинством, а самым большим ее недостатком, он говорил, что любопытство сгубило кошку и ее, Надежду, это свойство натуры приведет когда-нибудь к большим неприятностям. Что касается второго достоинства, то Надежда никому про него не рассказывала, даже мужу.

Итак, она поглядела на себя со стороны и увидела немолодую всклокоченную тетку, красную от злости. Еще и голос, наверное, визгливым станет, когда она заорет. Нет, так нельзя себя вести, следует срочно сменить тактику. Тем более что внутренний голос, которому Надежда привыкла доверять, ожил внезапно и дал понять ей, что вот оно, то самое, из-за чего ей следует волноваться, вот для чего муж завел весь этот разговор, и ни собака, ни внук, ни отъезд тут не имеют большого значения.

Страшным усилием воли Надежда Николаевна взяла себя в руки и загнала внутренний голос как можно глубже.

– Дорогой, – кротко сказала она мужу, – в твоём рассказе женские имена и фамилии мелькают, как в дамском детективе. Не успеешь разобраться с одной дамой, как тут же всплывает другая. Лиза Самохвалова, Аня Твердолобова, я понятия не имею, кто такие эти твои знакомые дамы...

– Надежда, не валяй дурака! – взорвался муж. – Ты прекрасно знаешь, кто это. И Лиза, и Аня – это мои однокурсницы, когда-то мы вместе учились в институте, в одной группе. И мы все дружили – Лиза, Аня, я и Пашка, другие ребята... вообще, группа у нас очень дружная была. И я тебе о них рассказывал, ты просто не помнишь!

Из всех его институтских друзей Надежда знала только Пашку Соколова, то есть он теперь был не Пашка, а Павел Петрович Соколов, профессор и доктор наук. Она готова была поклясться, что никогда не слышала от мужа ни про Лизу, ни про Аню, и этот факт ей очень не понравился.

– И не Твердолобова, а Белолобова, – не успокаивался муж, – Аня Белолобова! Они обе были не ленинградки, только Лизавета вышла замуж и осталась здесь, а Анна после окончания института уехала к себе, в Зауральск.

– Есть такой город? – удивилась Надежда.

– Да, и довольно большой промышленный город. Одно время я часто ездил в командировки на тамошний завод и жил у Ани чуть ли не месяцами. Они вообще меня очень хорошо принимали, хоть жили с мамой небогато. А уж потом мать у нее умерла, Аня с дочкой осталась. Лиза сказала, что Аня умерла полгода тому назад – инсульт, представляешь, так что я просто обязан помочь девочке!

И тут Надежду озарило! Правильно, ведь все лежало на поверхности, а она никак не могла сообразить. Ведь муж же, считай, сам обо всем рассказал! Они дружили, потом эта самая Аня уехала, а потом у нее родилась дочка. И, судя по всему, про мужа этой Ани никто ничего не слышал. Да и вряд ли какой угодно мужчина потерпит, чтобы приятель его жены жил у них месяцами!

– Девочка большая? – осведомилась Надежда абсолютно равнодушным тоном.

– Ну, как тебе сказать, последний раз я был у них в восемьдесят втором году, как раз в школу было пора идти, я еще привез книжки там всякие, в общем, все, что требуется первокласснику. Стало быть, сейчас ей уже... слушай, двадцать семь лет!

И снова Надежду больно кольнуло: с чего это муж так точно помнит, в каком году он был в этом самом Зауральске в последний раз? Подумаешь, какая важная дата! Если только дочка у этой Ани не от него... И теперь она приезжает. И это еще хуже, чем если бы приехала сама Аня. Потому что с дочерью-то Надежда конкурировать не сможет, не тот случай. Надежда Николаевна ощутила, как ревность, это чудовище с зелеными глазами, терзает ей сердце. Все было так болезненно, потому что за восемь лет брака муж ни разу не дал ей повода для ревности. Несмотря на то что раньше он работал в вузе и его окружали студентки и аспирантки, ни разу Надежда не заметила, что от него пахнет чужими духами или его платок испачкан губной помадой. Ни разу муж не изменился в лице, услышав, что звонит женский голос. Ни разу в гостях у друзей муж не оказывал повышенного внимания ни одной женщине, даже в шутку...

И вот теперь такое.

– Зачем она приезжает? – спросила Надежда и тут же пожалела об этом, но муж ничего не заметил.

– Лиза говорила, что у нее что-то с глазами. После скоропостижной смерти матери у нее резко ухудшилось зрение. Возможно, от стресса. Ей нужно показаться здешним врачам, пока не стало поздно.

«Ой, как нехорошо, – подумала Надежда, – ведь это же ужасно – молодая женщина может остаться слепой! Конечно, нужно ей помочь, и я сделаю все, что смогу».

Но в мыслях ее не было теплоты.

В принципе, Надежда знала, что сенбернары – очень крупные собаки, она и ожидала увидеть что-то большое, с рыжими пятнами и лобастой мордой. Но действительность превзошла самые смелые ее ожидания.

Ехать решили все сразу, то есть Сан Саныч погрузил в машину самые необходимые носильные вещи, Надежду и переноску с котом Бейсиком. Надежда рассудила, что глупо сначала ей знакомиться с собакой, а потом везти туда Бейсика. Нет уж, раз им всем предстоит жить вместе почти год, то чем скорее произойдет процедура знакомства, тем лучше.

Сан Саныч вставил ключ в замок, и за дверью тут же раздался лай.

То есть лаем это можно было назвать только с большой натяжкой. Гораздо больше это походило на раскаты приближающейся грозы или глухой грохот отдаленной канонады.

Надежда невольно схватила мужа за руку.

– Не волнуйся, Наденька, – с наигранным оптимизмом проговорил Сан Саныч, – он очень приветливый... это он так с нами здоровается...

Дверь распахнулась, и перед ними появилась огромная лобастая голова.

– Р-р-р? – произнесла голова вопросительно, что можно было, наверное, перевести на человеческий язык словами: «Вы к кому?»

При этом тяжелая нижняя челюсть отвисла, обнажив огромные желтоватые клыки.

– Мама! – тихонько проговорила Надежда. – Какой же он огромный!

Из плетеной переноски послышалось угрожающее шипение: это Бейсик демонстрировал свое отношение к происходящему.

В это время сенбернар увидел Сан Саныча, и весь его облик преобразился. Он радостно взвизгнул, что при его размерах выглядело очень комично, и бросился к Надеждиному мужу с явным намерением встать лапами ему на грудь. Сан Саныч, прекрасно понимая, что он не удержит такой вес, отскочил в сторону и строго прикрикнул:

– Арчи, место!

Пес виновато потупился, облизнулся большим шершавым языком, шумно сглотнул слюну и захлопнул пасть. С обожанием глядя на Сан Саныча, он задом отступил в квартиру. Надежда поняла, почему ему пришлось пятиться: развернуться на тесной лестничной площадке он просто не смог бы, ему не хватило бы места, как туристскому автобусу на маленькой автостоянке.

Сан Саныч вошел в квартиру, и Надежде ничего не оставалось, как последовать за ним.

Пес сидел в углу, занимая половину прихожей, и ритмично шлепал по полу большим лохматым хвостом. Его обаятельная лобастая морда выражала симпатию и приязнь.

– Вот, Арчи, знакомься, – с энтузиазмом проговорил Сан Саныч, – это Надя, она будет здесь жить.

Сенбернар внимательно посмотрел на Надежду, разинул пасть, напоминавшую размерами багажник автомобиля, и радостно улыбнулся. Во всяком случае, выражение его морды было как нельзя более похоже на искреннюю приветливую улыбку.

«Очень приятно, – казалось, говорил он, – друзья Сан Саныча – это мои друзья!»

– А он славный, – удивленно и немного нерешительно проговорила Надежда.

В глубине души она считала, что этот пес вряд ли ей понравится.

В ответ на ее слова Арчи пару раз стукнул хвостом по паркету, встал и приблизился к новой хозяйке.

Хотя Надежде очень хотелось спрятаться за широкую спину мужа, она взяла себя в руки и осталась на месте.

Арчи, стуча по паркету когтями, подошел к ней и ткнулся мордой в колени. Прикосновение было очень деликатным, однако ей с трудом удалось удержаться на ногах.

– Он знакомится, – прошептал Сан Саныч, – запоминает твой запах!

– А по-моему, он использует меня вместо носового платка, – с легким недовольством отозвалась Надежда.

Действительно, Арчи тщательно вытер об ее одежду свою вечно слюнявую пасть.

– Арчи, как не стыдно! – укорил его Сан Саныч. – Что за неаккуратная собака!

Сенбернар виновато опустил голову, и при этом прямо перед его носом оказалась плетеная переноска, из которой непрерывно доносилось угрожающее шипение Бейсика.

Пес вопросительно взглянул на хозяина. В его взгляде явственно читалось: «А это что за мелкая неприятность?»

Сан Саныч, который больше всего боялся именно этого момента, с тяжелым вздохом проговорил:

– Арчи, это Бейсик. Он тоже будет здесь жить. Не обижай его, пожалуйста!

Арчи тоже тяжело вздохнул и попятился. Он покосился на хозяина с немым укором, как бы говоря: «Конечно, от тебя я готов принять что угодно, но неужели ты не мог пощадить мои чувства? Ну, ладно, допустим, я слушаюсь тебя и не буду его обижать, но он-то сам что думает по этому поводу?»

Бейсик, который внутри своей плетеной тюрьмы только голосом мог выразить всю глубину своего возмущения, перешел от шипения к высокому угрожающему подвыванию.

– Не знаю, Саша, как мы сможем их познакомить, – озабоченно проговорила Надежда, убирая переноску за спину.

Сан Саныч, оптимистичный, как большинство мужчин, пожал плечами и сказал:

– Арчи, кажется, не против знакомства.

– Арчи, может быть, и не против, – с сомнением протянула Надежда, – а вот Бейсик... не представляю, как выпустить его из клетки!

– Ну, пойдем в комнату, там его и выпустим. – Сан Саныч взял переноску в руки и строго посмотрел на сенбернара: – Арчи, место!

Пес послушно улегся на полу, положил лобастую голову на лапы и проводил хозяев грустным взглядом, в котором читалось все, что он о них думает.

Удалившись от сенбернара на безопасное расстояние, Сан Саныч поставил плетеную клетку на пол и осторожно открыл дверцу.

Бейсик, который немного притих, потеряв пса из виду, осторожно выбрался наружу и бросил по сторонам заинтересованный взгляд. В любое другое время он, конечно, начал бы с ознакомления с новой квартирой, но сейчас у него было куда более важное дело. Прижавшись к полу и нервно поводя кончиком хвоста из стороны в сторону, он медленно двинулся в сторону прихожей. При этом шерсть у него встала дыбом, что ему чрезвычайно шло: Бейсик стал похож на свою легендарную ангорскую бабушку.

Надежда невольно залюбовалась своим рыжим красавцем, но ее очень волновало, как пройдет его непосредственное знакомство с Арчибальдом. Она попыталась отговорить кота от путешествия в прихожую, предложив ему любимое угощение – специальный кошачий витамин в форме маленькой рыбки. Бейсик покосился на рыбку, но не свернул с выбранного пути: все остальные интересы отступили сейчас на второй план.

– Саша, это плохо кончится! – испуганно проговорила Надежда. – Сделай же что-нибудь!

– Что я могу сделать... они должны сами разобраться! В конце концов, Арчи – очень добродушный пес, он ничего плохого не сделает Бейсику.

– Он-то не сделает! – прошептала Надежда. – А вот Бейсик...

Тем временем кот, двигаясь по-пластунски, бесшумно выскользнул в коридор. Несколько секунд в квартире царил тишина, и вдруг она взорвалась настоящей какофонией.

В прихожей грянул утробный кошачий вой, шипение, донесся жалобный визг и неожидан тонкий лай.

– Скорее! – вскрикнул Сан Саныч, схватившись за сердце. – Спасать! Спасать Бейсика, если он еще жив!

Он бросился в прихожую, и Надежда устремилась следом, хотя у нее было собственное мнение о том, кого именно им придется спасать.

Действительно, когда они выбежали в прихожую, их глазам представилась следующая сцена.

Бейсик, чередуя жуткий вой с угрожающим шипением, наступал на сенбернара, сторбившись, как верблюд, и метя когтистой лапой в собачью морду. Арчибальд отступил в угол, что было непросто при его размерах, и пытался защитить свой нежный нос от острых кошачьих когтей.

– Кого ты собираешься спасать? – насмешливо осведомилась Надежда. – По-моему, все обстоит в точности наоборот... если ты не хочешь, чтобы у твоего внука по возвращении был жуткий стресс, спасай Арчибальда!

– Бейсик! – укоризненно воскликнул Сан Саныч и попытался схватить рыжего агрессора. Результатом этой попытки была огромная глубокая царапина на его руке.

Надежда поняла, что если она хочет уберечь мужа от инвалидности и установить в квартире хотя бы временное перемирие, следует взять инициативу в собственные руки.

Оглядевшись, она нашла плотное махровое полотенце, набросила его на Бейсика, схватила бешено сопротивлявшегося кота и почти без серьезных телесных повреждений унесла его в дальнюю комнату. Там она его заперла, сурово сказав при этом:

– Посиди тут и подумай над своим поведением!

После чего она вернулась в прихожую, где застала Сан Саныча и Арчибальда, сидевших рядом на коврик с одинаковым обиженным и разочарованным видом. Этот вид определенно говорил: «За что он нас, ведь мы хотели только хорошего!»

Надежда нашла йод и обработала боевые ранения своего мужа. Сенбернар свои царапины зализал самостоятельно.

Он некоторое время всхлипывал, как обиженный ребенок, вздрагивал всем телом и испуганно косился в ту сторону, куда исчез этот ужасный, визжащий и царапающийся зверь.

Утром Надежда проснулась очень рано, даже муж еще спал. Правда, он до полуночи успокаивал кота, нашептывая ему всякие ласковые слова, пока Надежда, окончательно разозлившись, не пригрозила, что сейчас выгонит их обоих из спальни. Сан Саныч представил себе, что ему придется преодолевать препятствие в виде огромного сенбернара, который расположился в прихожей на своем матрасе размером с хорошую двуспальную тахту, испугался и притих. Кот злобно поглядывал на Надежду и тоже молчал. Она отвернулась к стене и задремала.

Сейчас она тихонько встала и на цыпочках прокралась к двери. Кот приоткрыл один глаз, но Надежда показала ему кулак, и он тотчас сделал вид, что крепко спит.

Сенбернар Арчи лежал в прихожей на полу, перед ним валялся Вовкин старый ботинок, и в глазах у собаки была самая настоящая человеческая тоска.

«Ишь, как успел он к мальчишке привязаться за такое короткое время!» – поразила Надежда и отважилась погладить Арчи по голове. пышный хвост в ответ стукнул пару раз об пол.

– Ты не бойся, Вова вернется, – растроганно сказала Надежда, – а пока мы тут как-нибудь проживем.

Она оглянулась на дверь спальни и шепотом посоветовала Арчи быть с котом построже. Потом она подумала, что с ней сделает муж, если узнает, какие советы она дает огромному сенбернару, и поскорее удалилась в ванную.

В процессе приготовления завтрака Надежда все время раздражалась по пустякам. Нет, кухня у невестки была в полном порядке – отлично отремонтированная, вся забита дорогими

бытовыми приборами. Но Надежду раздражала электрическая плита, которая долго разогревалась, а потом, после выключения, так же долго оставалась горячей, так что омлет пересушился и даже едва не сгорел. И кофеварка была какая-то чересчур навороченная, Надежда понятия не имела, как ею пользоваться, и решила сварить кофе в простой джезве, но обыскалась ее по всем шкафам. И вообще, в процессе готовки она занималась поисками то консервного ножа, то пряностей и сразу ничего не могла найти. Она утешала себя тем, что привыкнет, но сердце ныло при воспоминании о своей уютной квартирке, где все вещи лежат на своих местах, и где новые занавески свисают красивыми складками, и пахнет родным домом, а не освежителем воздуха, как здесь.

Муж благородно взял на себя обязанность погулять с собакой, но Надежда чувствовала, что это не навсегда. Удержать Арчи за поводок она не могла бы при всем желании, оставалась надежда, что пес привыкнет к ней и станет слушаться. Вообще-то, он неагрессивный, утверждал Сан Саныч, но тон его был не слишком уверенным.

Пока они отсутствовали, Надежда скоренько накормила кота и заперла его в туалете. Кот шипел и пробовал от еды отказаться, но с Надеждой этот номер не прошел. Бейсику отлично было известно, что Надежда терпеть не может, если дети и животные капризничают во время еды. В таких случаях разговор у нее был короткий: не хочешь есть – вон из-за стола! Так что хозяйка спокойно может лишиться его завтрака, думал Бейсик, не станет она причитать над ним и уговаривать, как Сан Саныч. Поэтому хитрый котятра придал морде выражение глубочайшей муки, но съел весь свой корм без остатка.

Тут как раз подоспели двое с прогулки. Сан Саныч наскоро съел пересушенный омлет и умчался на работу, пообещав звонить и вернуться пораньше, а Надежда уселась в кухне выпить кофе, рассеянно наблюдая, как Арчи гоняет по кухне миску размером с таз, в котором на даче она замачивала белье. Кухня в этой трехкомнатной квартире была большая, куда там Надеждиной, так и то здоровенный пес еле поворачивался, и холодильник жалобно гудел, когда Арчи задевал его могучей задней частью.

Надежда только горестно качала головой, глядя на такое безобразие, и думала, что бывшие хозяева Арчи, очевидно, просто обалдели, когда увидели, что из симпатичного плюшевого щенка выросла такая махина. Конечно, это верх подлости, и мало у кого поднимется рука выгнать собаку, но все же как-то Арчи очутился на улице? Все-таки некоторые люди бывают ужасно безответственными!

Тут Надежда осознала, что мысленно брюзжит она вовсе не из-за собаки. В общем, животное не виновато, и Надежда как-нибудь привыкнет к этим впечатляющим габаритам. Привыкнет она и к чужой квартире – что ж делать, надо так надо.

Настроение с утра ей портило то, что сегодня в шестнадцать часов двадцать минут прибывает поезд Санкт-Петербург – Зауральск. И в этом поезде едет неизвестная девица, которая вполне может быть родной дочерью ее мужа Сан Саныча.

Осознав эту мысль, Надежда даже зажмурилась, так ей стало нехорошо. Она посидела немного с закрытыми глазами, стараясь успокоиться, потом тяжело вздохнула и решила не прятать голову под крыло и взглянуть наконец правде в глаза. В конце концов, ну что такого? Ну, приедет, поглядим на нее, посмотрим, что девушка собой представляет. А может быть, у нее есть семья – муж, дети. По возрасту вполне могут быть, ведь ей примерно лет двадцать семь... Жила же она как-то до этого, так с чего Надежда взяла, что сейчас должно что-то измениться?

Разумеется, был способ выяснить кое-какие подробности. Жену лучшего друга Сан Саныча, Паши Соколова, тоже звали Надеждой. Так вот, эта самая жена училась с ними в институте, только в другой группе. Но знала всех. И, конечно, если что-то и было у ее мужа с этой самой Аней Твердолобовой, или как ее там, то Пашиной жене об этом прекрасно известно. Стоит только завести разговор невзначай...

Но вот как раз этого-то Надежда Николаевна делать ни за что не станет. Еще не хватало – собственного мужа позорить! Хотя... ну какое ей, Надежде, в сущности, дело до того, что было много лет тому назад? Но в сердце все свербел и свербел неприятный червячок.

Тут Надежда осознала, что она разговаривает вслух сама с собой, что кот ужасно орет в туалете, а сенбернар Арчи смотрит на нее в полном удивлении. Надежда решительно встала и приказала себе выбросить из головы все посторонние мысли и сосредоточиться на хозяйственных проблемах. Следовало разобрать вещи, провести воспитательную беседу с котом и срочно прикупить кое-что из продуктов, потому что запасов в холодильнике не было никаких.

Надежда перевела Арчи в гостиную, сунула ему туда игрушки и Вовкин ботинок, после чего выпустила кота и закрепила за ним спальню и коридор. Пока они с мужем решили не сводить их вместе, Надежда опасалась, что кот, этот рыжий злодей, расцарапает несчастному Арчи всю морду, и тогда пес может не выдержать – и просто перекусит его пополам.

– Обещай мне, что будешь вести себя прилично и не станешь набрасываться на несчастного Арчи! – сказала она коту.

Бейсик негодуяще фыркнул и отвернулся.

Когда через полтора часа, обливаясь потом, Надежда открыла дверь и плюхнула на пол в прихожей две здоровенные сумки, в квартире стояла относительная тишина. Ожидая самого худшего, Надежда заглянула в спальню, потом в гостиную. Кот спокойно спал на кровати, Арчибальд же повалил стул из дорогого гарнитура и удивленно обгрызал его ножки.

«Пускай сами со своей мебелью разбираются!» – решила обозленная Надежда.

Время неумолимо приближалось к четырем часам, и в это время раздался телефонный звонок.

– Это Надя? – спросил звонкий женский голос. – Здравствуйте, это Лиза, Лиза Самохвалова. Я от Сашы узнала, что вы дома, я ему на работу звонила. Понимаете, сегодня приезжает Танечка...

– Я знаю, – вставила Надежда.

– А я никак, ну просто никак не могу ее встретить! – извинилась Лиза. – Понимаете, дочка родила, а у нее осложнения какие-то после родов...

– Надеюсь, ничего серьезного? – спросила Надежда.

– Сейчас уже лучше, вскоре обещали ее выписать, а малышку мы не отдали в больницу, сами знаете, какие там порядки, еще занесут ребенку инфекцию какую-нибудь...

– Понимаю...

– А у зятя руки дырявые, вчера он чуть ребенка не уронил! – продолжала Лиза. – Просто боюсь его одного с малышкой оставить! Так что вы уж сами... номер поезда знаете, вагон тоже...

– Но как я ее узнаю? – растерялась Надежда. – Я же ее ни разу в жизни не видела!

– Да и я-то сама тоже последний раз лет пятнадцать назад с ними встречалась! – рассмеялась Лиза. – Понятия не имею, как сейчас Татьяна выглядит. Аня-то светленькая была, волосы легкие, пушистые, как одуванчик... но это когда было! Так что вы напишите просто плакатик, как в аэропорту: ищу, мол, Таню Белолобову.

«Белолобову! – пронеслось у Надежды в мозгу. – Как у матери фамилия, стало быть, не было у Ани никакого мужа...»

Она тут же рассердилась на себя и вежливо простилась с Лизой.

Поезд из Зауралья опоздал всего на двадцать пять минут, так что Надежда недолго маялась на вокзале. Как водится, нужный вагон оказался в самом конце поезда, и Надежда неслась вдоль платформы, опасаясь на бегу, как бы девушка не ушла, и тогда она ее ни за что не найдет. Мелькнула было мысль, что, может, это и к лучшему, но Надежда Николаевна тут

же устыдилась, рассердилась на себя и еще больше беспокоилась. Молодая женщина, одна, в чужом, незнакомом городе, да еще и со зрением проблемы – всякое может случиться, и тогда она, Надежда, никогда себе этого не простит.

Вот и нужный вагон. Люди, торопясь, выходили на перрон, выносили вещи, кто-то обнимался, смеясь и причитая, кто-то передавал маленького ребенка с рук на руки...

Когда Надежда подошла к дверям вагона, намереваясь поговорить с проводницей, толпа немного схлынула и на ступеньках появилась молодая женщина в темных очках. Женщина была стройна и довольно высока ростом, волосы замотаны косынкой, так что непонятно, блондинкой была пассажирка или брюнеткой. Она чуть помедлила на ступеньках, оглядываясь по сторонам, но, видно, сзади напирали, так что девушка быстро шагнула на перрон и отступила в сторону, чтобы не оказаться сметенной очередной толпой встречающих. В их руки посыпались многочисленные чемоданы и баулы, потом передали престарелую бабушку, потом крепкий нестарый мужик буквально вывалился в объятия трех таких же крепких и нестарых теток. Все четверо были ужасно похожи. Тетки висли на мужике, плакали и кричали: «Пашенька, Пашенька!» – как будто мужик со старухой вернулись не из далекого Зауралья, а из какой-нибудь горячей точки.

За всей этой кутерьмой Надежда чуть было не упустила девицу в темных очках. Когда она, крутя головой, выбралась из толпы, стройный силуэт мелькнул довольно далеко.

– Таня! – закричала Надежда. – Таня Белолобова!

Девица остановилась как вкопанная, потом медленно повернула голову. Надежда подбежала, натываясь на встречающих и на ходу извиняясь.

– Ведь вы – Таня? – спросила она. – Я правильно угадала?

– Ну да, – ответила девушка, чуть помедлив, – я Татьяна Белолобова.

– А вы, наверное, ждали, что вас Лизавета Ивановна встретит, Самохвалова? – тараторила Надежда.

– Ну да... – все так же без улыбки ответила девушка.

– Так она не смогла, у нее дочка родила, и там возникли сложности, а я жена Сан Саныча Лебедева, вы у нас жить будете...

– Очень приятно, – соизволила наконец улыбнуться девица и даже сняла очки.

Улыбка у нее была приятная, зубы ровные и белые, тут уж ничего не скажешь. Глаза у девушки оказались большими, темно-карими; ресницы длинные, брови тонкими дугами... Впрочем, возможно, все дело было в косметике, Надежда не успела рассмотреть. И никакой патологии в этих глазах Надежда не увидела – не слезились они, не моргала девица беспомощно, сняв темные очки, не было у нее на лице беззащитного выражения, какое бывает у сильно близоруких людей.

«Ну и что, – тут же одернула себя Надежда, – я же, в конце концов, не врач и не могу знать все симптомы. А может, у нее не близорукость и не дальность, а что-то более сложное... например, проблемы с глазным дном или отслоение сетчатки».

Единственное, что заметила Надежда в глазах девушки, – это настороженность. Что ж, тоже можно понять – кругом все незнакомое. Однако могла бы и полюбезнее быть, а она вон снова очки свои напялила.

– Меня зовут Надежда Николаевна, – сухо сказала Надежда.

– А я – Таня, – ответила девица, подхватила нетяжелую дорожную сумку и устремила к выходу с вокзала.

«Дикая какая-то, – подумала Надежда, – впрочем, может, они в Зауралье все такие...»

– Поедем на метро, – сказала она в спину девице, и та тут же повернула в сторону.

«А откуда она знает, что с той стороны удобнее всего войти в метро?» – задумалась Надежда.

– Вы раньше никогда не бывали в нашем городе? – начала она светскую беседу.

– Нет, – ответила Таня и замедлила шаг, – я правильно иду?

– Правильно... – слегка запыхавшись, подтвердила Надежда, – только немножко быстро.

Они помолчали, потом Надежда, чувствуя себя все более неловко, снова завела беседу:

– Что случилось с вашей мамой?

– Инсульт, – коротко ответила Татьяна, не вдаваясь в подробности.

– А вы в отпуске?

– Да, – так же коротко сказала Татьяна, но все же почувствовала, видимо, что поведение ее выглядит не слишком любезным, поэтому остановилась и сказала гораздо мягче: – Вы не беспокойтесь. Я ненадолго, недели на две, не больше.

– Лиза говорила, у вас проблемы со зрением? – продолжала настойчиво расспрашивать Надежда. – Нужна консультация? Я бы могла узнать у знакомых врачей...

– Спасибо, у меня есть направление в глазной центр профессора Сидорова, – ответила Татьяна, на взгляд Надежды, слишком поспешно.

В метро они беседовали о пустяках, Татьяна оглядывалась по сторонам с любопытством.

– Вот ваше жилье, – сказала Надежда, входя в собственную квартиру, и тут же устремилась на балкон – полить цветы. Правда, по нынешней дождливой погоде это требовалось делать нечасто, но все же в некоторые ящики не попадала влага.

Надежда Николаевна разводила цветы дома только летом и только на балконе, по причине отвратительного характера своего кота Бейсика, который поедал все комнатные растения, кроме кактусов. Собственно, Надежда была более чем уверена, что и кактус-то противный кот тоже обьест, но муж не разрешал ей ставить над котом такие безнравственные эксперименты.

Татьяна оглядела квартиру Надежды без всякого выражения и ничем не выразила своего отношения к увиденному.

«Хоть бы из вежливости сказала, что в квартире чисто и уютно, – обиделась Надежда, – хоть бы занавески новые похвалила! И вообще, могла бы поблагодарить за заботу, в конце концов, я ей совершенно посторонний человек и вовсе не обязана...»

Тут она подумала, что, возможно, девица вовсе не считает, что Сан Саныч Лебедев ей посторонний и как раз от него и ждет проявления заботы. Но она-то, Надежда, тут при чем? Хотя есть такие люди, которые считают, что все им должны.

Когда Надежда вернулась с балкона, Татьяна сняла косынку и причесывалась перед зеркалом. Волосы у нее оказались довольно длинные, прямые и темные. Вообще девушка, несомненно, была красива, это Надежда заподозрила еще на вокзале. Но вот то, что она темная шатенка, наводило Надежду на нехорошие мысли. Аня Белолобова, по рассказам Лизы, была «светленькая, волосы одуванчиком». А вот муж Надежды был темноглазый и темноволосый.

– Что вы на меня так смотрите? – спросила Таня, оказывается, Надежда пялилась на нее вот уже несколько минут.

– Простите, Таня, вы ведь не похожи на свою маму? – пробормотала Надежда.

– А вы разве ее знали? – слишком воинственно, на взгляд Надежды, спросила Татьяна.

– Нет, но я видела фотографии, – на всякий случай соврала Надежда, – я ведь говорила, что мой муж учился с вашей мамой в институте, потом он часто бывал у вас в Зауральске... но это было давно.

– Не помню, – Татьяна пожала плечами.

«Врет!» – уверилась Надежда.

Она показала девушке, где лежит постельное белье и полотенца, провела ее в кухню.

– Сейчас попьем чаю, и я пойду, – сказала Надежда, – если, конечно, вам не нужна моя помощь.

Татьяна промолчала, из чего Надежда сделала вывод, что гостя ждет не дождется, когда хозяйка наконец уберется и оставит ее одну. Но не так-то просто было сбить с толку Надежду

Николаевну Лебедеву, тем более что в данном случае она была у себя дома, а дома, как известно, и стены помогают.

– Таня, вы после смерти матери остались совсем одна? – спросила она, отпивая глоток крепкого чая из парадной синей чашки.

– Я не замужем, – ответила Татьяна, чуть помедлив и отставив чашку, – и мама тоже замужем никогда не была, я своего отца не знала.

– Простите... – пробормотала Надежда и поняла, что настал момент ей уйти.

Она допила чай и встала.

– Вот вам ключи, замки открываются легко, – сказала она на прощание, – но я буду заходить время от времени. Знаете, собирались мы в спешке, а теперь то одной мелочи хвачусь, то другой... Так что я забегу на днях.

– Разумеется, Надежда Николаевна, это же ваша квартира! – ответила Татьяна.

Они простились без особой сердечности, и Татьяна тщательно заперла все замки.

После ухода любопытной хозяйки квартиры она постояла в прихожей, прислонившись пылающим лбом к зеркалу, потом со стоном взглянула на себя. В зеркале отражалось ее испуганное лицо, в глазах плескалась самая натуральная паника. Конечно, она зря все это затеяла, ничего у нее не выйдет, нужно было остаться дома, в Зауральске. Но там вряд ли кто-то помог бы. Она не может плыть по воле волн, у нее есть обязательства... Так что нужно отбросить свои страхи, вернее, запихать их как можно глубже в подсознание и действовать. Она так просто не сдастся, ей есть что терять...

«Что-то в ней есть странное, – размышляла Надежда Николаевна, направляясь пешком к станции метро, – вроде бы красивая девица, а одевается как-то непонятно...»

Действительно, на Татьяне были самые простые джинсы, к тому же потертые, и такая же дешевенькая кофточка.

«Вроде бы в большой город ехала, а оделась, как будто на дачу, – продолжала недоумевать Надежда, – что уж, неужели денег совсем нету? Ведь работала же она где-то все это время. И косынку жуткую зачем-то напялила, закрыла такие красивые волосы...»

Дома встретил Надежду голодный и усталый муж, который, как и обещал, вернулся пораньше, чтобы погулять с Арчи. За то время, пока они гуляли, кот просочился в гостиную и ободрал всю мягкую обивку на новом диване.

– Пропал гарнитур! – спокойно констатировала Надежда – ей-то что волноваться, мебель не ее.

– Это он от стресса, – заступился Сан Саныч за Бейсика. – Надя, как ты не понимаешь, у животного сильный стресс, он переехал в другую квартиру, да тут еще собака...

– Это он вчера собаке устроил сильный стресс, – ворчала Надежда, – чуть всю морду не расцарапал!

За ужином муж выслушал Надеждин отчет о встрече Аниной дочери весьма равнодушно, его больше беспокоил вопрос, как уговорить кота сменить гнев на милость и перестать третировать сенбернара.

А поздним утром позвонила Лиза Самохвалова. Вот она как раз очень дотошно расспрашивала Надежду о приехавшей девушке и взяла даже телефон Надеждиной квартиры, чтобы позвонить и расспросить ее о своей умершей подруге.

– Никого у Танечки не осталось, никаких родственников, да еще со здоровьем нелады, – сокрушалась она. – Вообще-то, Аня с детства с ней мучилась, уж очень болезненный была Таня ребенок. У нее ведь со зрением-то стало плохо еще с детства. Жили они летом в деревне, Танечке лет десять было, ну, сами понимаете, дети есть дети. Залезли они с подружками на сеновал, а у Тани, видно, голова закружилась, или она просто поскользнулась. В общем, упала она с лестницы. Высота там приличная была, да она еще упала так неудачно, голову расшибла.

Ну, конечно, сотрясение мозга, рана на шее сильная, зашивали, шрам даже остался... А когда все зажило, то стала она хуже видеть. Я тогда Аню очень звала к нам, чтобы здесь врачи обследовали ее и как следует все проверили. Но она все собиралась, собиралась, а потом вроде бы Тане получше стало, приостановили процесс. А сейчас вот, похоже, опять началось, от переживаний.

– Она сказала, что пойдет сегодня в глазной центр профессора Сидорова. Что у нее туда направление, – вставила Надежда.

Тут у Лизы заплакал ребенок, и она повесила трубку. Надежда тоже повесила трубку и задумалась, проверяя свои ощущения. Девушка, которую она встретила вчера на вокзале, не производила впечатления очень болезненной особы. Напротив, вид у нее был вполне здоровый – гладкая кожа, хорошая осанка, уверенная походка...

Надежда очнулась от подозрительных звуков. Оказывается, кот висел на шелковых занавесках в гостиной, шипя и раскачиваясь, а сенбернар испуганно забился в угол. То есть он пытался это сделать, но не было в гостиной такого большого угла.

Надежда вытолкала пса из гостиной и заперла в Вовкиной комнате – там мебель попроще. Коту она бессильно погрозила кулаком.

– Вот молодец Саша – бросай, говорит, работу, отдохнешь, в санаторий съездишь! Отдохнешь тут с ними, как же, как бы в сумасшедший дом не угодить вместо санатория!

Занимаясь мелкими хозяйственными делами, Надежда уговаривала себя не ходить сегодня в свою квартиру. Однако так получалось, что обязательно требовалось это сделать, поскольку кое-какие мелкие вещи были просто необходимы, например, форма для пирога или фен. У невестки был какой-то супермодный, немецкий, с несколькими насадками, Надежде такой ни к чему. Уверив себя, что без фена ей не прожить ни дня, Надежда Николаевна снова провела воспитательную беседу с котом и поспешила к себе.

День был дождливый, и Татьяна обрадовалась – можно не выходить из дому, можно отложить то, за чем она, собственно, и приехала в Санкт-Петербург. Она тут же устыдилась своего малодушия, заставила себя позавтракать и выйти из дома. В этом городе всегда дождь, он не должен ей помешать. Она поехала на метро и вышла в центре. Хотелось пройтись по городу, освоиться в нем после долгой разлуки.

Оказалось, город не так уж изменился, или просто она за шесть лет мало что забыла, хоть и усиленно пыталась это сделать. Вместо того чтобы сосредоточиться на деле, она отдалась во власть воспоминаний, и ноги сами привели Таню на Финляндский вокзал.

Она купила билет до Комарова, села в первую же электричку и уставилась в окно.

День был будний, народу в поезде немного. Опять пошел дождь, и по стеклам побежали параллельные штрихи капель. Как тетрадка в косую линейку. Таня задумалась, погрузилась в свои мысли. Она вспоминала другое лето, другую жизнь... шесть лет назад. Тогда она была здесь счастлива, очень счастлива, и ей казалось, что дальше все будет только лучше... Боже, какой она была наивной душой!

Она вспоминала старую дачу, веранду с цветными стеклами в переплетах... от этих стекол на белую крахмальную скатерть ложились яркие квадраты – оранжевые, синие, зеленые.

Во главе стола сидела крупная, величественная старуха. Царственным жестом она протягивала руку за фарфоровой сахарницей, наливала в старинные бирюзовые с золотом чашки темно-янтарный ароматный чай... Где-то вдалеке раздавался мерный, мощный шум, словно спокойное дыхание великана – это море напоминало о своем присутствии.

– Станция Комарово! – громко объявил голос в динамике, и Таня едва успела выскочить на мокрую платформу. Двери захлопнулись, и поезд, медленно разгоняясь, уплыл в сторону Зеленогорска.

Хмурое небо никак не вязалось с июнем. Мелкий дождь сеялся уныло, как докучный собеседник. Таня открыла зонт и перешла пути.

Она сразу вспомнила дорожку, по которой не раз ходила *тем летом*. Конечно, вокруг очень многое изменилось, в этом тихом, элитном академическом поселке выросли, как грибы, роскошные коттеджи и загородные дома новых хозяев жизни, но некоторые старые дачи выстояли в борьбе за существование. Теперь, в новом окружении, они казались маленькими и жалкими, но вместе с тем внушали невольное уважение...

Таня свернула налево, миновала огромную старую ель, прошла еще один квартал и наконец увидела *ту самую* дачу. У нее был печальный, запущенный вид, еще более унылый под этим серым небом. Давно не крашенная веранда посерела от дождя, но цветные стекла кое-где сохранились, и оранжевый квадрат вдруг бросил ей в лицо обманчивый солнечный блик.

«Чай надо пить обязательно из старинного фарфора, – говорила величественная старуха, передавая ей чашку, – тогда у него совсем другой вкус!»

Из старенького магнитофона лились звуки гитары: «Над небом голубым есть город золотой...»

На клумбе перед домом пышно цвели тигровые лилии, и жизнь казалась прекрасной и бесконечной.

Теперь участок покрывал густой мокрый бурьян, лебеда, репейники. От клумбы не осталось и следа.

Как и от всей той жизни, радостной и наполненной событиями – от нее тоже не осталось ни следа...

Хотя нет, один след, конечно, остался, и она об этом никогда не жалела и никогда не пожалеет.

Против воли, на нее нахлынули воспоминания, запретные воспоминания, убранные на самую дальнюю полку.

Она вспомнила жаркую летнюю тьму, и пробегающие по стене пятна света – отсветы последней ночной электрички, и свое платье, стекающее со спинки стула, как лягушачья кожа из детской сказки...

Она вспомнила сильные, горячие руки, запах волос... *той ночью* эти волосы пахли дождем, и дождь ровно и спокойно шумел за окном, как будто рассказывал ей длинную увлекательную историю, историю, которую ей еще только предстояло пережить... историю, в которой будет любовь и верность, и эти руки, эти губы, эти волосы...

Ты солгал, дождь.

Ничего этого не было и не будет, впереди оказалась только ложь, ложь и предательство.

И еще – смерть.

Но *той ночью* она еще ничего не знала – ничего, кроме горячих сильных рук и жадных губ на своей коже, жадных солоноватых губ и густых волос, пахнувших дождем.

Сегодня тоже идет дождь, но совсем другой – тоскливый, однообразный, словно сейчас не лето, а глухая осень.

Таня толкнула покосившуюся калитку и ступила на мокрую дорожку. Сколько раз она проходила по этой дорожке *тем летом*!

По густой мокрой траве пробежал порыв ветра, и Тане показалось, что в бурьяне кто-то прополз – кто-то отвратительный, скользкий.

Небо было тускло-серым, и никакого золотого города над ним, конечно, не было.

Она вспомнила, как ужасно закончилось то незабываемое лето, вспомнила, как уезжала из Петербурга, что творилось тогда у нее в душе, и ее невольно передернуло.

Дача наверняка давно пустовала, и это было хорошо – Таня не хотела бы сейчас встретить *его*... она не хотела и не могла даже мысленно произносить его имя. Не хотела и не могла после того, что случилось здесь шесть лет назад. Не хотела вспоминать о нем.

Зачем же тогда она приехала сегодня в Комарово?

Надежда столкнулась с Татьяной в подъезде. Татьяна сама окликнула ее, потому что иначе Надежда не смогла бы ее узнать. Джинсы на ней были те же, но кофточка другая – не такая куца и дешевая. Но вот прическа... Вместо длинных темных волос на голове у нее была теперь короткая стрижка. Волосы прилегали к голове наподобие шапочки. К тому же они были выкрашены в три разных цвета: фон светлый, а по нему расплзались зеленые и бордовые пряди.

Надежда постаралась, чтобы на лице ее не выразилось откровенное изумление. Обрезать такие чудесные волосы и выкраситься как... как девчонка на дискотеке!

«Кажется, в двадцать семь лет такие увлечения уже проходят, – неодобрительно подумала она, – впрочем, возможно, я ничего не понимаю в современной моде. Во всяком случае, она стала выглядеть куда проще и вульгарнее, хотя и гораздо моложе...»

– Я в магазин, за продуктами! – крикнула Татьяна, так и не дождавшись от Надежды слов одобрения.

– Как ваши дела?

– Сегодня днем была в глазном центре Сидорова на Петроградской, меня смотрел врач, – бросила Татьяна и поспешно ретировалась.

«И не только там, – подумала Надежда Николаевна, – еще и в парикмахерскую успела».

Надежда собрала сумки, проверила, все ли в порядке в квартире, и решила уходить, не дожидаясь Татьяны, когда вдруг зазвонил телефон.

Звонила ее старинная знакомая, Люба Сапожкова. Услышав Любин голос, Надежда тяжело вздохнула и опустилась в кресло – Сапожкова любила поговорить и делала это со вкусом при малейшей возможности. Разговор с ней по телефону неизменно затягивался как минимум минут на сорок, так что Надеждин уход откладывался на неопределенное время. Люба, страшно довольная тем, что застала Надежду, сразу же взяла быка за рога.

– Представляешь себе, какое хулиганство? – возбужденно тархтела она. – Всех выгнали на улицу!

– Кого выгнали? – обреченно переспросила Надежда.

Перед ее глазами предстала Люба с ее мужем Виталием, стоящие с узлами и чемоданами под проливным дождем возле своего дома.

– Да ты меня совсем не слушаешь! – обиженно отозвалась приятельница. – Я же тебе говорю, кто-то утром позвонил в милицию и сказал, что в наше здание заложена бомба. Ну, ты ведь знаешь, как сейчас боятся террористов! Всех немедленно выгнали на улицу! Ну, нас – еще куда ни шло, все-таки агентство недвижимости... ну, мы отложили одну-две сделки, извинились перед клиентами! И модельное агентство, что на третьем этаже, тоже не очень много потеряло. Юридическая контора, она под нами, – тоже... А в центре Сидорова наверняка были на сегодня запланированы операции, представляешь, каково людям? Они ждали не один месяц! А потом, уже в конце дня, милиция нашла звонившего, им оказался старшеклассник из соседней школы. Он это сделал на спор, выиграл ящик пива. У них была назначена контрольная по математике, а из-за этой паники всех распустили по домам...

– Постой, – Надежда встрепенулась, как боевая лошадь при звуках трубы, – что ты там сказала про центр Сидорова? Это глазная клиника?

– Ну да, – в голосе Любы явственно прозвучало недоумение, – он был знаменитый офтальмолог... ты что, не знаешь?

– Да нет, знаю, конечно... но этот глазной центр, он что – в одном здании с твоей фирмой?

– Конечно, да я тебе об этом сто раз говорила! Ты меня просто никогда не слушаешь.

– И этот центр сегодня весь день не работал?

– Ну да! А о чем я тебе рассказываю? Из-за этого мальчишки, телефонного хулигана...

– Понятно, – Надежда уставилась в стену.

На самом деле все это было как раз совершенно непонятно. Выходит, Татьяна обманула ее? Была вовсе не в этом глазном центре? Но почему? Для чего она так неуклюже врет? Ведь Надежда не тянула ее за язык, не устраивала допросов... сказала бы, что сегодня она не успела, задержалась в парикмахерской, кстати, и правда, это дело долгое, Надежду вон в один цвет покрасили и постригли, так и то полдня она в парикмахерской провела, а тут – вон как сложно. Но Татьяна сама сказала, что была в глазном центре... но, может быть, их несколько? Хотя Татьяна говорила, что она ездила на Петроградскую, а Любина фирма расположена там же.

На столе лежала толстая рекламная газета «Из рук в руки». Газета была не новая, Надежда сама ее купила в свое время, что-то ей нужно было найти – не то балкон они стеклить собирались, не то подруга просила найти породистого жениха для своей бирманской кошки.

С тех пор как Надежда временно бросила работу, все знакомые и родственники просто осатанели. У них тут же нашлась для Надежды Николаевны масса важных и неотложных дел. Сами они не могли выполнить все эти дела по причине нехватки свободного времени и сильной занятости, вот и торопились загрузить ими Надежду, чтобы, по их словам, ей не было так одиноко и грустно сидеть дома.

Разумеется, желания и возможности самой Надежды в расчет совершенно не принимались. За то недолгое время, которое Надежда считалась домохозяйкой, она успела проводить в санаторий одну милую старушку, маму своей приятельницы, навестить в больнице двух великовозрастных шалопаев, попавших в аварию на мотоцикле, отвезти бывшей соседке страшно неудобный вентилятор и даже достать какое-то редкое лекарство для второй жены своего первого мужа. Так что если бы не война кота Бейсика с сенбернаром, то в переезде на другую квартиру можно было найти свои плюсы – не все знакомые знают тот телефон. Но вот настырная Люба Сапожкова отловила ее в собственном доме. И наверняка звонит не просто так, чтобы поболтать!

Однако звонок пришелся кстати в том смысле, что позволил разоблачить Татьяну. Надежде пришло в голову, что в газете можно посмотреть адреса имеющих в нашем городе глазных клиник и проверить, есть ли еще один центр профессора Сидорова.

Она пододвинула к себе газету и машинально потянулась за очками – шрифт был очень мелкий.

Вообще говоря, Надежда Николаевна не любила надевать очки, поскольку считала, что они ей совершенно не идут, старят ее и делают чересчур солидной, похожей на школьного завуча или депутата горсовета советских времен, и поэтому надевала их как можно реже, только когда требовалось, как сейчас, прочитать что-нибудь очень мелкое.

И как раз потому, что она надевала очки редко, поиски их каждый раз превращались в настоящую проблему. Приходилось долго и мучительно вспоминать, где она оставила их в последний раз. И вообще всякий, кто носит очки, знает, что их поиски – это истинное мучение, потому что искать их приходится... без очков.

Но на этот раз очки, как ни странно, нашлись сразу, буквально сами попались под руку. Надежда, не отрывая телефонную трубку от уха и время от времени вежливо поддакивая Любе, надела очки и уставилась в газету.

Однако шрифт остался по-прежнему неразборчивым. Очки нисколько не помогли.

Надежда сняла их и недоуменно оглядела.

Это были не ее очки – они были легче, дужки другой формы, хотя оправка тоже металлическая. Ее очки лежат небось в сумочке, а она машинально схватила подвернувшиеся ей под руку. Ах, ну да, конечно же – это очки зауральской гостыи, Татьяны Белолобовой... но почему она их оставила, если говорит, что со зрением у нее очень плохо? Кстати, сегодня шел дождь, и на Татьяне не было темных очков.

Сердясь на саму себя за такую подозрительность, Надежда тут же придумала объяснение: наверное, у девушки не одна пара, допустим, одни очки для дали, а другие – для близи, и эти сегодня ей не нужны.

Но оставалась еще одна смущавшая ее деталь.

Надежда снова нацепила очки и уставилась на газету.

Она видела шрифт несколько не лучше, чем без очков.

Не лучше, но и не хуже.

В очках были простые стекла, без всяких диоптрий.

Что же это значит? Для чего Татьяна их носит? И – носит ли?

– Надя, да ты совсем меня не слушаешь! – раздался в трубке обиженный Любин голос. –

О чем ты думаешь?

– Да-да, конечно, – ответила Надежда совершенно невпопад.

– Что – конечно? Так ты придешь или не придешь?

Зачем Татьяна выдумала эту историю про свое плохое зрение?

Зачем она носит очки?

Но ведь о ее больных глазах сказал Надежде муж, а ему – Лиза Самохвалова, причем еще до того, как девушка приехала в Санкт-Петербург.

– Надежда, да что с тобой происходит? – Люба, кажется, уже не на шутку рассердилась.

«Так жить нельзя! – мысленно простонала Надежда. – Совершенно не дают подумать!»

– Люба, я обязательно тебе перезвоню в самое ближайшее время! – закричала она, с маху повесила трубку и поскорее выскочила из дома, чтобы обиженная Сапожкова не успела перезвонить.

«Ну и что такого? – думала Надежда, торопясь к метро под сильным дождем. – Что я такого узнала? Девица абсолютно зрячая, это и сразу было видно. А наврала про плохое зрение нарочно, чтобы ее пригласили в Питер. Если бы написала просто – хочу, мол, к вам в гости, Лиза бы наверняка ответила – извини, мол, сейчас никак невозможно – дочка рожает, и вообще нам совершенно не до гостей. А так, если ей срочно на операцию нужно, – кто в такой ситуации откажет больному человеку?»

Подумав так, Надежда даже остановилась, потому что твердо уверилась: девица приехала с целью познакомиться поближе с Сан Санычем. Иначе зачем ей врать?

Надежда так расстроилась, снова осознав эту мысль, что потеряла бдительность, и проехавший автомобиль окатил ее водой из лужи. Холодная вода подействовала несколько отрезвляюще, и Надежда Николаевна устремилась домой, повинувшись долгу жены и хозяйки рыжего кота, а также огромного сенбернара, которого подсудобили ей родственники обманным образом.

Дома муж по просьбе Надежды нашел в книжном шкафу старый альбом с фотографиями и показал ей всех.

– Вот я, вот Пашка, а вот Лиза с Аней.

Надежда долго вглядывалась в пожелтевший от времени снимок. Пашка какой смешной, с хохолком на голове, а сейчас – совершенно лысый. Ее муж волосы сохранил, и вообще он мало изменился – стоит такой серьезный, без улыбки. А у Ани и правда волосы пушистые, головка как одуванчик. Одно можно сказать точно: дочка на маму совсем не похожа. Что ж, бывает...

Снова звонила Лиза и жаловалась, что никак не может Татьяну застать дома. Надежда сухо ответила, что и сама-то видела гостью только мельком, та все время куда-то торопится.

– Она абсолютно самостоятельна и прекрасно ориентируется в нашем городе, во всяком случае, ни разу не спросила у меня дорогу.

– Наверное, ей Аня много рассказывала... – протянула Лиза.

Тут кот прыгнул на телефон, и связь прервалась. Надежда укоризненно покачала головой, но не стала ловить рыжего хулигана и шлепать его полотенцем. Ее по-настоящему волновало другое. Действительно, куда все время торопится Татьяна? И где она была, если не ходила в глазной центр? Гуляла по городу под проливным дождем? Но Надежда отбросила эту мысль, поскольку вид у Татьяны был вовсе не праздный. Она не похожа на бездумную искаательницу приключений, которая, пользуясь случаем, приехала в Петербург проветриться. Нет, вид у девушки какой-то озабоченный и настороженный...

«Что же ей от нас нужно?» – задумалась Надежда.

Мысль эта преследовала ее всю ночь, оттого и снились всякие кошмары. Надежда ворочалась и разговаривала во сне, так что муж даже забеспокоился, не заболела ли она, потому что много ходит по сырости.

Надежда встала с больной головой и твердо решила разобраться во всей этой истории и выяснить наконец, что на уме у их гости. В конце концов, рассуждала Надежда, Татьяна живет в ее доме. Так имеет Надежда право знать, что ей нужно?

Предлог посетить собственную квартиру нашелся очень быстро. На этот раз Надежда Николаевна внезапно осознала, что жить не может без своей любимой сковородки. У невестки был полный набор шикарных тефлоновых сковород, отчего-то радикального синего цвета, они так красиво висели над плитой, что сразу становилось ясно: это не орудия труда, а предметы интерьера. Надежда долго не решалась нарушить дизайн, но ведь без удобной сковородки тоже жить не будешь.

Если бы муж узнал, как часто она посещает свою квартиру, он сразу заподозрил бы неладное. Ведь ему прекрасно были известны пристрастия жены, которая вечно вмешивалась во всяческие сомнительно-криминальные истории. Даже если ее об этом никто не просит, добавлял Сан Саныч – иногда не чуждо было ему некоторое ехидство.

Однако в данный момент мужу было совершенно не до наблюдений за Надеждой. Он был всерьез озабочен непримиримой войной, которую вели в квартире кот и собака. То есть сенбернар Арчи, в общем-то, держался вполне миролюбиво, он готов был признать главенствующую роль кота и уступать ему во всем, только бы не драли ему нос когтями и не нападали постоянно из-за угла. Кот же никак не желал вести себя прилично. Надежде было легче: она почти сразу уверилась, что кот этот – отвратительное скандальное существо, кстати, она давно это подозревала. Она всегда говорила, что муж избаловал кота без всякой меры и когда-нибудь они будут иметь от этого кучу неприятностей. Так оно и вышло, и Надежда имела хоть какое-то слабое утешение от того, что оказалась права. Сан Саныч же, как всякий любящий родитель, страшно переживал, увидев воочию плоды своего неправильного воспитания, поэтому ему в данный момент было совершенно не до жены.

Надежда через дверь слышала, что в квартире играет музыка, и поняла, что ее гостя дома. Она решила позвонить, чтобы Татьяна не испугалась. Татьяна открыла дверь, не спрашивая кто, очевидно, увидела в глазок, что идет хозяйка. Как видно, она выскочила на минутку из ванной, замотанная в Надеждину розовую купальную простыню. Голова ее тоже была обмотана махровым полотенцем. Татьяна кивнула, извинилась и скрылась в ванной, а Надежда застыла в собственной прихожей, пораженная какой-то неясной мыслью. Она знала, что увидела сейчас что-то очень важное, но никак не могла поймать за хвост ускользающую мысль.

Что-то поразило ее, что-то такое говорила Лиза или муж относительно Аниной дочери...

Надежда внезапно увидела себя в зеркале – солидная женщина застыла посреди собственной прихожей с выпученными глазами и открытым от напряжения ртом – и ужасно рассердилась. От злости в голове прояснилось, и Надежда вспомнила, что именно Лиза говорила о Тане. Девочка в возрасте десяти лет упала с лестницы и здорово ушибла голову. Сотрясение мозга и рана на шее! И даже остался шрам.

В зеркале теперь отражалась совсем другая женщина, она не таращила глаза и не считала ворон. Теперь Надежда Николаевна сжала зубы и огляделась вокруг цепким взглядом, она, что называется, взяла след. Только что она видела Татьяну. Волосы ее, и так достаточно короткие, были подняты и замотаны полотенцем, так что шея сзади была прекрасно видна. Длинная красивая шея, кожа на плечах совершенно гладкая... И никакого шрама! То есть буквально никаких следов, Надежда бы заметила, если что.

И как можно объяснить такой факт? Татьяна обратилась к косметическим хирургам, они убрали шрам? Возможно, тут же усмехнулась Надежда, но только не в Зауральске. Там – вряд ли. И потом, если бы у нее были деньги, чтобы заплатить хирургу, она не одевалась бы так дешево и безвкусно.

Причина может быть только одна: девушка, проживающая у Надежды в квартире, – вовсе не Татьяна Белолобова!

И тогда все становится на свои места.

Надежда давно уже подозревала что-то в этом роде, но отгоняла от себя эту мысль. Теперь же, осознав ее до конца, Надежда похолодела. Самозванка и авантюристка! А что, очень даже просто: познакомились в поезде, долго болтали, девица выяснила у настоящей Тани всю подноготную, а потом убила ее и забрала вещи...

«Милиция! – мысленно закричала Надежда. – Караул! Милиция! Убили! Ограбили!»

Но тут же опомнилась. В милиции прежде всего скажут, что Надежда сама во всем виновата, и будут по-своему правы. Действительно, разве не она сама привела домой совершенно постороннюю девицу, даже не спросив у нее паспорт? «Вы Таня?» – спросила она на вокзале, та ответила утвердительно, тогда Надежда представилась и повела ее к себе домой. «Так что же вы хотите, гражданка, – спросят в милиции, – если сами, простите, оказались такой легкомысленной и беспечной?»

Надежда оглянулась на дверь ванной. Вода больше не лилась, очевидно, Татьяна, или кто там она есть, сушила волосы. Долго ей придется это делать, ведь фен-то Надежда унесла!

Надежда Николаевна отбросила всякие сомнения и метнулась к Татьянинной сумочке, стоявшей в прихожей. Так, оставим всякие женские мелочи, косметику, кошелек с деньгами... Паспорт! Надежда быстро пролистала бордовую книжечку. Паспорт был на имя Татьяны Алексеевны Белолобовой. А вот и фото. На этих фотографиях в паспорте ничего не поймешь и никого не узнаешь. Самое заурядное лицо, светлые негустые волосы до плеч. Девушка на фотографии была похожа на свою мать, Анну Белолобову, только у той пушистые волосы лежали венчиком. Этой бы тоже лучше было постричься, но нужно ведь прикрывать шрам на шее, поняла Надежда.

Так вот почему лже-Татьяна замотала голову дурацкой косынкой, сообразила Надежда, она показала в поезде билет на имя Белолобовой, в паспорте проверили только фамилию, это же не самолет, где фото внимательно сверяют! В поезде, да еще из Зауральска, паспорт не больно-то рассматривают. Вот она и убрала волосы, чтобы уж очень-то в глаза не бросалось, что она – брюнетка, а на фотографии в паспорте – блондинка.

Надежда еле успела сунуть паспорт обратно в сумочку и придать своему лицу безмятежное выражение, когда дверь ванной открылась, и Татьяна выскочила в полной боевой готовности. Она схватила сумочку, крикнула, что очень торопится к профессору Сидорову, и убежала. Надежда и слова сказать не успела, не хватать же было ее за руки!

Поразмыслив немного, Надежда Николаевна решила, что раз уж она сделала такую глупость, сама привела в дом авантюристку, то самое страшное уже позади. Обокрасть лже-Татьяна ее не может, потому что, откровенно говоря, в доме у Лебедевых красть было нечего. То есть, конечно, имелись у них новый телевизор и видеомагнитофон, кое-какая бытовая техника и новая одежда, но что-то подсказывало Надежде, что ее гостя не станет работать по такой мелочи. Что касается более ценных вещей, то все деньги, документы и старинное кольцо

с бриллиантом, которое муж подарил Надежде к свадьбе, они взяли с собой, а шубу планировалось купить только к будущей зиме.

Надежда решила хорошенько обдумать свое дальнейшее поведение и дожидаться возвращения Татьяны – или как там ее зовут – во что бы то ни стало. Уж она выведет преступницу на чистую воду и обязательно узнает у нее, куда подевалась настоящая Татьяна!

Между делом Надежда слегка прибрала квартиру, потому что у гости был легкий беспорядок, поговорила немножко по телефону с близкой подругой, Алкой Тимофеевой, перетряхнула зимние вещи и пересыпала их средством от моли, а также пропылесосила квартиру, чтобы извести рыжую шерсть, оставшуюся от кота Бейсика.

Таня выскочила на улицу и поняла, что откладывать больше нельзя, иначе ее приезд в Петербург не будет иметь никакого смысла. Она не сможет долго жить здесь, в этой квартире, она прекрасно видит, как подозрительно посматривает на нее эта Надежда Николаевна. Так что времени у нее очень мало, и хватит прятать голову под крыло и надеяться, что кто-то выполнит за нее всю неприятную работу. Такого в ее жизни никогда не случалось, видно, уж судьба такая – выпутываться из всех неприятностей только самой...

Таня свернула с улицы Некрасова и оказалась в коротком переулке с зеленым сквером посередине. Второй дом от угла, нарядный, голубой с белым, особнячок, прекрасно отреставрированный, портили многочисленные телекамеры, установленные по всему фасаду.

Девушка достала из сумочки темные очки, надела их и прошла мимо голубого особняка. Возле входа красовалась бронзовая табличка:

«Центр социологических исследований «Вариант».

Именно то, что она искала.

Здесь работала *та женщина*.

Таня хотела проникнуть сюда, узнать, что стояло за событиями в Зауральске, но она не продумала заранее линию поведения.

Не сунешься же сюда с улицы!

«Простите, у вас работает такая-то?»

Идиотизм! В лучшем случае ее просто выпроводят, а в худшем...

О худшем случае не хотелось думать.

Она вспомнила бесформенное тело на камнях под окном пансионата... вспомнила мертвую женщину, скорченную в чулане... вспомнила быстрые шаги у себя за спиной, ощущения загнанного зверя...

Она огляделась.

На скамейке в сквере сидела молодая женщина с коляской, одной рукой она механически раскачивала свое дремлющее сокровище, в другой держала детектив в яркой глянцевой обложке.

Таня подошла к скамейке и уселась рядом с молодой мамой. Та озабоченно покосилась на нее и снова уставилась в книжку. На обложке лысый мужчина с совершенно идиотским лицом целился в кого-то из огромного черного револьвера.

Откинувшись на спинку скамьи, Таня внимательно следила за дверью социологического центра. Хорошо, что сегодня нет дождя и на улице довольно тепло!

Из-за угла высыпала большая компания оживленно беседующей молодежи – девушки в расклешенных джинсах и ярких мини-юбках, парни в потертых кожаных куртках и высоких ботинках на толстой подошве. Подойдя к двери «Варианта», компания остановилась, один из парней нажал кнопку вызова. Голос в динамике что-то спросил и велел подождать.

Таня встала со скамьи и подошла к ребятам.

– Вы здесь работаете? – спросила она у худенькой девчушки с малиновыми волосами.

Та окинула Таню недружелюбным взглядом и хмыкнула, но, видно, новая прическа в чем-то роднила Татьяну с ней, поэтому девица процедила:

– Больно надо в конторе штаны просиживать!

Таня достала из сумочки пачку «Вог» и протянула девчонке:

– Угощайся!

Девушка вытащила сигарету, прикурила, и взгляд ее потеплел.

– Да вот, Дэн халтурку нашел, – мотнула она малиновой головой в сторону долговязого рыжего парня, – подписи собирать за какого-то козла. Подпись – десятка, милое дело! Мы всей группой собрались, все равно, летом делать нечего... а ты что – подработать хочешь? – девчонка с сомнением окинула Таню взглядом. – Они, вообще-то, только студентов набирают...

В это время дверь «Варианта» открылась, и студенты просочились внутрь. Таня, потупившись и стараясь казаться незаметной, проскользнула вслед за своей новой знакомой.

За дверью двое рослых широкоплечих парней в одинаковых черных костюмах направляли входящих в узкий коридор, освещенный галогеновыми светильниками.

В конце коридора находился небольшой конференц-зал. Студенты, притихшие в незнакомой обстановке, расселись по рядам. Перед ними появился полноватый мужчина лет тридцати в дорогом мятом костюме из натурального льна и без предисловий начал:

– Ну, все, конкретно, в курсе, какая у нас задача? Задача у нас – набрать как можно больше подписей за этого коз... кандидата и не дать конкурентам повода, конкретно, при... придаться. Что это, конкретно, значит? Это значит, что вы можете, конечно, записывать своих родных и знакомых, всяких бабушек и дедушек, племянников и своячениц, соседей по лестничной площадке, даже своего кота, – мужчина коротко хохотнул, – если у него, конкретно, имеется российский паспорт, но только, конкретно, тех, которых вы сами в глаза видели! И чтобы обязательно – собственноручная подпись! А то есть такие умельцы – налаживают, конкретно, фабрику на дому, из компьютерной базы данных перепишут полгорода и приходят, конкретно, за капустой... в смысле, за деньгами. Так вот, чтобы этого не было! Это мы и сами умеем!

– Кстати, насчет капусты, – подал голос один из студентов, – сколько за подпись платите?

– Я вашему старшему сказал – тринадцать рублей. Цифра, конечно, считается несчастливой, но, я думаю, вам это до фени...

– Вот гад Дэн! – прошептала Танина знакомая. – Нам сказал – десятка, треху себе хотел зажилить!

– Что еще хотел сказать, – продолжал инструктор, – если у кого-то папа, конкретно, большой начальник и вы к нему в фирму придете собирать подписи, так сказать, под папины гарантии – так вот это по закону не положено. Но вы, конкретно, можете папу попросить выйти, конкретно, погулять, а сами его подчиненных, конкретно, по-хорошему попросить... – инструктор снова хохотнул, но студенты его веселье не поддержали.

– Если бы у меня папаша был большой начальник, фиг бы я стала за десятку прогибаться! – прошептала девушка с малиновыми волосами.

Студенты начали задавать вопросы. Таня убедилась, что инструктор не смотрит в ее сторону, пригнулась и тихонько выскользнула из зала.

В коридоре, к счастью, не было ни души.

Она подергала одну дверь, другую – все было заперто. Наконец третья по счету дверь в коридоре подалась. Таня заглянула внутрь и, никого не увидев, проскользнула в комнату.

Она оказалась в маленьком кабинете, где один против другого стояли два стола с компьютерами. На матовой поверхности ближнего стола высохал влажный кружок от стакана – видимо, кто-то только что встал из-за компьютера, взял в руки стакан и вышел...

И скоро должен вернуться.

Таня настороженно оглянулась и села за стол.

На плоском экране монитора медленно плавали яркие тропические рыбы, медленно колыхались водоросли. Таня щелкнула мышью, вызвав символы рабочего стола. Она просматривала названия папок. «Мои документы»... «Сетевое окружение»... «Почтовая программа»...

Кадры! Вот самая интересная папка!

Таня щелкнула мышью на этой папке, но компьютер потребовал у нее пароль.

Сколько раз ей приходилось видеть в приключенческих фильмах и детективах, как герой в такой ситуации с умным видом смотрит в потолок и тут же непонятно как догадывается, что незнакомый ему человек в качестве пароля использовал имя своей любимой собаки, написанное тут же, на фотографии, которая стоит прямо на столе, или марку своей машины, припаркованной под окном. Однако в реальности все было несколько сложнее, никаких подсказок не наблюдалось, и папка с кадрами центра «Вариант» не собиралась раскрывать свои тайны.

Таня задумчиво пощелкала клавишами, и в это время за ее спиной открылась дверь.

– Эй, а вы что тут делаете? – недовольно проговорила крупная блондинка с электрическим чайником в руках.

– Я из бухгалтерии, – затараторила Таня, поднимаясь, – у меня машина глючит, «Ворд» не работает, я хотела позвать программиста... это ведь компьютерный отдел?

– Это *не компьютерный* отдел, – с нажимом проговорила блондинка, поставив чайник на стол и протягивая руку к телефону, – а как ваша фамилия? Из бухгалтерии, говорите?

– Я подумала, что это компьютерный отдел, – повторила Таня, отступая к двери, – дверь была открыта...

Блондинка убрала руку от телефона: то, что она оставила дверь открытой, наверняка было нарушением правил здешнего распорядка, и ей самой могло крупно нагореть.

Пробежав по коридору, Таня снова оказалась в холле. Там толпились знакомые ей студенты, дожидаясь, когда их выпустят.

– Эй, ты где была? – окликнула ее девушка с малиновыми волосами. – Дай еще сигаретку!

На столе у дежурного зазвонил телефон. Секьюрити снял трубку, молча послушал, кивнул, obeжал толпу студентов взглядом. Тане показалось, что на нее он посмотрел особенно внимательно.

Наконец дверь открылась, и посетители высыпали на улицу.

Дойдя со студентами до угла, Татьяна свернула в другую сторону.

– Эй! – окликнула ее знакомая. – Не будешь, что ли, подписи собирать?

– Нет, – Таня покачала головой, – больно уж мало платят!

– Ничего себе! – девчонка тряхнула малиновой гривой. – Ну, как знаешь, вольному воля!

Таня торопливо пошла в сторону троллейбусной остановки.

Она не заметила, как из переулка выехала черная иномарка и медленно двинулась вслед за ней.

Она вообще ничего не замечала.

Она узнала дом, возле которого случайно оказалась, дом, где бывала шесть лет назад, *тем самым* летом...

Опять на нее нахлынули прежние воспоминания – запретные воспоминания...

Она вспомнила, как в самый первый раз пришла в этот дом и как поразились этим обветшавшим остаткам прежнего великолепия – огромный камин на лестнице, медные прутья на ступенях, статуя на площадке между третьим и четвертым этажом, витражи в окнах.

Таня сама не заметила, как толкнула тяжелую дверь и вошла в полутемный подъезд.

Внутри все было так же, как шесть лет назад, только еще больше облупилась лепнина потолка да еще грязнее стали стены, расписанные местными молодыми дарованиями.

Она стояла, забыв, где была только что, забыв о своих несчастьях, забыв, из-за чего ей пришлось приехать в Петербург. Она снова перенеслась в *то лето* – шесть лет назад...

Ей казалось до сих пор, что все забыто, что прошлое умерло и она стала совсем другим человеком.

Это только казалось.

Никто не забыт и ничто не забыто, как писали раньше в одинаковых, как однояйцовые близнецы, советских газетах.

То лето накатило, навалилось на нее, как горная лавина наваливается на заблудившегося альпиниста.

Горячие руки, светлые щекотные волосы, жаркие, беспамятные, бессмысленные слова...

Как она могла столько времени обходиться без них? Как она могла столько времени не вспоминать?

Впрочем, она знала, что воспоминания принесут ей только боль.

Она вспомнила, как все это кончилось, и тихонько застонала.

Все обернулось ложью, ложью и предательством.

Но кожа помнила каждое прикосновение и горела, словно жадные ласковые губы только что прикасались к ней, только что шептали куда-то ей в живот детскую любовную бессмыслицу...

Где-то наверху открылась дверь квартиры, и на лестницу вырвалась музыка. Тихая гитара и хрипловатый надтреснутый голос: «Над небом голубым есть город золотой...»

Дверь хлопнула, закрываясь, и она вздрогнула, будто сбросив чары этого странного места.

Только не хватало сейчас столкнуться *с ним*...

Она понимала умом, что это невозможно, что тогда, шесть лет назад, *он* только снимал здесь комнату, поскольку собственную квартиру оставил жене... по крайней мере, так он говорил ей.

Теперь она не знала, что именно в его словах было правдой.

Теперь, после того, чем закончилось *то лето*, их лето.

Она понимала умом, что не может сейчас встретить здесь *его*, но тем не менее сердце ее забилося с ненормальной скоростью, и она вылетела из подъезда на улицу, на ненадолго появившееся солнце...

Глаза не сразу привыкли к свету, и неудивительно, что она не заметила черную машину с затемненными стеклами, которая остановилась метрах в тридцати от подъезда, не заглушая мотор.

Надежда Николаевна бродила по собственной квартире в самом воинственном настроении. Понемногу накаляясь, она определенно считала свою гостью самой настоящей злодейкой и жаждала выяснить все до конца.

«В конце концов, – думала она, – должна я знать, кого пустила в свою квартиру? Что, если эта девица задумала что-то и вовсе уж криминальное и осуществит свои преступные намерения? Ведь мы все – и я, и муж, и Лиза Самохвалова – тоже будем в этом косвенно виноваты! Мы окажемся, страшно сказать, соучастниками!»

Однако в глубине души она не слишком верила, что эта девица может причинить ей, Надежде, значительный вред, то есть надеялась, что один на один она сумеет с ней справиться. Думая так, Надежда Николаевна противоречила сама себе, но неистребимое любопытство, как всегда, взяло верх над остальными соображениями. Существовала тайна, а раз так – Надежда Николаевна просто была очень заинтригована и хотела непременно раскрыть эту тайну!

Однако время шло, а Татьяна все не появлялась. Надежде давно уже пора было уходить – не могла же она сидеть здесь до вечера. В конце концов, у нее звери и муж...

Надежда Николаевна тщательно заперла двери и вышла из дома, но, пройдя метров пятьдесят, неожиданно увидела Татьяну, как для удобства называла пока свою гостью.

Девушка медленно шла по противоположной стороне улицы, глубоко задумавшись и не замечая ничего вокруг себя. Она подошла к переходу, машинально бросила взгляд на светофор и шагнула на мостовую. Улица была совершенно пуста.

Надежда остановилась, поджидая девушку.

Когда та почти перешла дорогу, из-за угла неожиданно вылетела черная иномарка с тонированными стеклами. Машина мчалась на красный свет с явно недопустимой скоростью, и девушка, в глубокой задумчивости приближавшаяся к тротуару, оказалась прямо на ее пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.